

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 9

ФИЛОЛОГИЯ

№ 1

ЯНВАРЬ – ФЕВРАЛЬ

Выходит один раз в два месяца

Издательство Московского университета

2012

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>Всеволодова М.В.</i> Словосочетание в новой парадигме грамматики	7
<i>Савосина Л.М.</i> Актуализационные механизмы выделения коммуникативно значимых компонентов биноминативных предложений с включенным определением в предикате (<i>Часть первая</i>)	41
<i>Ганина Н.А.</i> Неатрибутированный контекст Московского фрагмента «Струящегося света Божества» и стиль Мехтильды Магдебургской	60
<i>Волошина О.А.</i> Некоторые особенности лингвистической терминологии в грамматике Панини	82
<i>Кучерская М.А.</i> Лесков — интерпретатор Гоголя	95
<i>Карпов А.С.</i> А. Снявский / А. Терц: «Писательство — это инакомыслие по отношению к жизни»	107
<i>Шведова Н.В.</i> Современное изучение литературы сюрреализма (словацкий аспект)	119

Материалы и сообщения

<i>Козорезова М.А.</i> Функции прилагательных в морфосинтаксической структуре предложных единиц (фрагмент лингводидактической модели русской грамматики)	128
<i>Кравченко Е.В.</i> Аллитерационный стих и синкретизм значения слова <i>šūd</i> 'путь' в поэтике «Бесовульф».	137
<i>Цзян Яньхун</i> (КНР) Лексико-семантические ошибки в речи китайских учащихся	147
<i>Кузнецова А.А.</i> «Партенисса» сэра Р. Бойла: к характеристике героя барокко	152
<i>Макеев М.С.</i> Стихотворение Н.А. Некрасова «Дядюшка Яков» в издании А.Ф. Погосского «Досуг и Дело»	159
<i>Богомолова М.В.</i> (Москва), <i>Доге Б.В.</i> (Гент) Андрей Платонов в пространстве современной филологии (2000–2011). Библиографический обзор	165

Критика и библиография

<i>Авраменко А.П., Солнцева Н.М.</i> Георгий Владимирович Иванов: Исследования и материалы. Международная научная конференция / Сост. и отв. редактор С.Р. Федякин. М.: Изд-во Литературного института им. А.М. Горького, 2011	184
<i>Колобаева Л.А.</i> Х а л и з в В а л е н т и н. В кругу филологов. Воспоминания и портреты. М.: Прогресс-Плеяда, 2011	189
<i>Кормилов С.И.</i> Н е д з в е ц к и й В. А. История русского романа XIX века. Неклассические формы: Курс лекций. М.: Моск. гос. ун-т имени М.В. Ломоносова; Стерлитамак: Стерлитамакск. гос. пед. академия им. Зейнаб Бишешовой, 2010	197
<i>Нечаева А.И.</i> З а х р а и С. Х., С и д о р о в М. Ю. Вид глагола: правила и употребление. Тегеран: САМТ: 2009/1387	204

Научная жизнь

<i>Косарик М.А.</i> VI Международная конференция «Романские языки и культуры: от античности до современности»	209
<i>Багдасарян Р.А.</i> (Армения), <i>Кормилов С.И.</i> Международная лермонтовская конференция в Ереване	213
<i>Соловьева Н.А.</i> 37-я Ежегодная конференция Международного Байроновского общества в Вальядолиде (Испания)	216
<i>Николаева С.Ю.</i> Гумилёвские чтения в Твери и Бежецке	219
<i>Пономарева М.Г.</i> IX Васильевские чтения в Ярославле	222
<i>Смирнова Ю.В.</i> Международная научно-практическая конференция «III Селищевские чтения»	226
<i>Ефимова С.Н.</i> Международная научная конференция VII Майминские чтения	228

Памяти...

Нина Максимовна Ёлкина (1923–2011)	237
Владислав Алексеевич Зайцев (1929–2011)	239

О.А. Волошина

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В ГРАММАТИКЕ ПАНИНИ

Статья посвящена анализу лингвистической терминологии грамматики Панини. Исследование группы терминов, созданных на базе общеупотребительных слов санскрита, позволяет установить, что основой грамматической теории Панини является морфология и морфонология санскрита. Главные грамматические термины, используемые Панини, — корень, основа и различные типы именных и глагольных аффиксов. В исследовании также обращается внимание на то, как индийская грамматика повлияла на развитие европейской лингвистики.

Ключевые слова: индийская лингвистическая традиция, грамматика Панини, лингвистическая терминология.

The article is devoted to linguistic terminology in Panini's Grammar. It deals with terms which were formed on the basis of Sanskrit words (sounds, roots, verb-forms and noun-forms). Description of the terms shows some important points in the grammar of ancient India.

The 19th century European linguistics developed under the influence of the Indian linguistic tradition, Panini's grammar and the main principles of linguistic description in ancient India. Differences in linguistic description can be caused by conceptual differences in methods and objectives.

Key words: the Indian linguistic tradition, Panini's Grammar, linguistic terminology.

Достижения древнеиндийской лингвистической школы отражены в системе терминов, которую индийские грамматисты использовали при описании языка. Именно изучение терминологии открывает доступ к кладовой уникальных знаний о системе санскрита, позволяет воссоздать языковую концепцию древнеиндийских лингвистов.

Задачей данной работы является описание особой группы терминов, используемых Панини в тексте *Aṣṭādhyāyī*, которые представляют собой общеупотребительные слова санскрита. Таких терминов довольно много в терминологической системе, складывающейся на базе родного языка.

В основе номинации абстрактных понятий в целом и научной терминологии в частности лежит метафорическое переосмысление бытового понятия. «Когда ученый открывает дотоле неизвестное явление, то есть когда он создает новое понятие, он должен его назвать. Поскольку новое слово ничего бы не говорило носителям языка,

он вынужден пользоваться существующим лексиконом, в котором за каждым словом уже закреплено значение. Чтобы быть понятным, ученый выбирает такое слово, которое может навести на новое понятие. Термин приобретает новое значение через посредство и при помощи старого, которое за ним сохраняется. Это и есть метафора» [Ортега-и-Гассет, 1990: 69].

Частичное сохранение старого значения в новом слове называется «внутренней формой слова», которая является основанием для переноса признака и помогает наблюдать связь двух понятий, отраженную в метафоре. При этом «внутренняя форма слова» дает возможность использовать значение исходного слова при истолковании сложного абстрактного понятия, отмечая его важные свойства и отношения в системе понятий¹.

Ученый замечает имеющееся сходство научного объекта и бытового, обращая внимание на разные характеристики и свойства сложного, многопланового научного понятия, поэтому лингвистическая теория, отраженная в терминологии, является всегда в конечном счете авторским построением, всегда показывает субъективную точку зрения (этим объясняется существование разных научных направлений и разных научных школ). Это свойство метафорической номинации специального научного понятия позволяет увидеть объ-

¹ Например, термином «*корень*» обозначается главная, морфема в слове, корень — обязательная морфема, ибо что может быть без корня — необходимого элемента? В индийской лингвистической традиции корневая морфема также обозначается словом «*dhatu*» — «основа, первоэлемент, руда». В данном случае корневая морфема обозначается термином, возникшим на базе общеупотребительного слова. Современная лингвистическая терминология содержит множество заимствованных терминов, которые без сомнения условны. Однако они также возникли на базе общеупотребительного слова языка-источника, что позволяет установить их первоначальное значение. Например, термин «*аффикс*» (от лат. *affixus* — «прикрепленный, фиксированный») используется для обозначения некорневой морфемы, положение которой фиксировано относительно корня: *префикс* (от лат. *praefixum* «прикрепленный перед»), суффикс (от лат. *suffixum* «прикрепленный снизу, подставленный»), *постфикс* (от лат. *postfixum* «прикрепленный после»), *интерфикс* (от лат. *interfixum* «прикрепленный между, занимающий промежуточное положение»), *инфикс* (от лат. *infixum* «прикрепленный внутри, вставленный внутрь») *конфикс* (или *циркумфикс*) (от лат. *confixum* (*circumfixum*) «скрепленное, то есть аффикс окружающий (корень), прикрепленный с двух сторон: спереди и сзади»). Таким образом, сами термины указывают на важный признак аффиксов — положение по отношению к корню в составе слова.

То же можно сказать и о терминах «*основа*» и «*флексия*». *Основа* — часть слова, состоящая из корня и словообразовательных аффиксов; *основа* — это компонент слова, который передает базовое лексическое значение слова (корневое и деривационное). К основе присоединяется *флексия* (от лат. *flexio* «сгибание, изгиб, поворот, переход») — словоизменятельная морфема. Внутренняя форма термина указывает на то, что при помощи флексии происходит изменение формы слова, благодаря чему словоформа получает другой набор грамматических значений.

ект в новом ракурсе, обнаружить новые его свойства и отношения, а значит, наметить дальнейшие пути развития науки, увидеть новые горизонты проблемы.

Часто этимология термина может не только объяснить его значение, но и подчеркнуть главную особенность научного понятия, его характерный признак, а также установить его место в системе лингвистической терминологии.

Например, в индийских трактатах грамматика называется *vyākaraṇa* (букв. «расчленение», «анализ»), что указывает на особенность лингвистического метода в древней Индии — попытку расчленения (сегментации) более крупных языковых единиц (текст, предложение, словосочетание, сложное слово, словоформа) на мельчайшие части (морфемы, звук). Однако наиболее влиятельный лингвистический трактат древней Индии — грамматика Панини посвящена описанию синтеза языковой единицы, т.е. складывания целого (составления цепочки) путем объединения частей. В этом нет ничего удивительного, ведь синтез опирается на результаты анализа и возможен только благодаря предварительному анализу, выделению составляющих элементов.

Учитывая особенности представленной в грамматике лингвистической терминологии интересно проследить, какие же лингвистические единицы выделяются древнеиндийскими грамматистами и используются для синтеза?

Известно, что основной единицей европейской лингвистики является слово (несмотря на сложность теоретического определения этого понятия). С одной стороны, слова состоят из звуков (выделяются более мелкие единицы), а с другой стороны, слова сочетаются друг с другом, образуя предложения (более сложные единицы). Таким образом, при построении грамматической теории европейские лингвисты последовательно выделяли понятие звука, слова и предложения. В тексте грамматики Панини также встречаются эти понятия и соответствующие термины (*vaṇa* — «звук», *pada* — «слово» и *vākyā* «предложение»), однако анализ лингвистической терминологии Панини указывает на то, что эти единицы вовсе не являются основой лингвистической теории древних индусов.

Любопытно заметить, что в тексте грамматики Панини нет ни одного определения **звука речи** (*vaṇa*) (да и сам термин используется редко): *vaṇa* — «сущность, вид, слог, звук», лингв. «звук, фонема» (6.1.182, 7.4.53). Отсутствие в грамматике Панини системного фонетического описания и классификации звуков речи, столь тщательно разработанных древнеиндийскими грамматистами, указывает на то, что корпус *Aṣṭādhyāyī* опирался на фонетические трактаты, на-

зываемые *pratiçākḥā* (букв. «к каждой ветви»²) и не ставил задачу всестороннего описания звуков санскрита. Панини ссылался на уже существующие подробные фонетические трактаты и использовал уже ставшие традиционными фонетические термины.

Например, согласные звуки могут быть звонкими *ghoṣa* — «шум, гул, крик», лингв. «голос, звонкие звуки» (6.2.85) и глухими *aghoṣa*.

В брахманских школах к середине 1 тыс. до н.э. «была блестяще разработана классификация звуков по месту (*sthāna*) и способу образования (*prayatna* — «усилие»), на которую опирается все последующее языкознание» [Катенина, Рудой, 1980: 72].

Панини также в сутрах грамматики ссылается на известную классификацию согласных по **месту образования** (*sthāna*):

sthāna — «стояние, место, расположение», лингв. «место артикуляции» (1.1.49);

āśya — «рот, лицо», лингв. «орган артикуляции» (1.1.9);

oṣṭhya — «относящийся к губам, находящийся на губах, губной», лингв. «губной звук» (7.1.102);

dantya — «зубной», лингв. «зубной звук»;

mūrdhan (*mūrdhanya*) — «верхний, высший», лингв. «церебральные звуки» (5.4.115);

mukha — «рот», лингв. «ротовая полость» (1.1.8);

nāsika — «нос», лингв. «носовая полость» (1.1.8);

Кроме того, в фонетических трактатах *pratiçākḥā* подробно описана классификация согласных по способу образования (*prayatna* — «препятствие, напряжение сил», лингв. «способ образования» (1.1.9). Однако в грамматике Панини мы не находим последовательного описания смычных и щелевых звуков.

В тексте грамматики встречаются разнообразные термины, обозначающие некоторые особенности комбинации звуков или их позиционные и комбинаторные изменения: группа согласных обозначается термином «*sañyoga*» — «супружество, дружба», лингв. «слитные согласные» (1.1.7); согласный, не подвергшийся изменениям, называется *pragṛhya* — «схватываемый, принимаемый», лингв. «неизменяемый (о согласном, не подвергшемся сандхи)» (1.1.11–19).

Поскольку священные и научные тексты в древней Индии долго не имели письменной фиксации, а религиозные ритуалы сопровождались чтением Вед, описание типов интонации, кратких и долгих гласных занимало важное место в грамматике санскрита, что подтверждает употребление следующих терминов:

anudāta — «невысокий, опущенный», лингв. «низкий тон, нисходящая интонация» (1.2.30);

² К середине 1 тыс. до н.э. были созданы пособия по чтению Вед, которые отличались в разных брахманских школах — «ветвях».

udāta — «высокий, поднятый», лингв. «высокий тон, восходящая интонация» (1.2.29);

ekaṣṛuṭi — «однообразие, однообразный, монотонный», лингв. «интонация без повышения или понижения тона» (1.2.33);

sannatara — «опущенный, углубленный», лингв. «тип интонации (ниже anudāta)» (1.2.40);

virāma — «прекращение, конец, перерыв», лингв. «конец слова или предложения, то есть прекращение звучания» (1.4.110);

visarga — «прекращение, освобождение, конец», лингв. «конечный спирант h» (8.3.34).

Гласные звуки в санскрите различались по длительности, что отражается в следующих терминах:

mātrā — «мера, количество, величина», лингв. «матра, метрическая единица (время, которое требуется для произнесения краткого гласного)» (6.2.14);

hrasva — «короткий, маленький», лингв. «краткий гласный» (1.2.27–28);

dīrgha — «долгий, длинный», лингв. «долгий гласный» (1.2.27–28);

pluta — «прилив, наводнение», лингв. «удлинение гласных» (1.2.28).

Анализ фонетической терминологии в грамматике Панини позволяет прийти к следующему выводу. Поскольку в тексте грамматики отсутствует подробное описание фонетики санскрита, имеются лишь фрагментарные сведения о том или ином фонетическом явлении, мы можем с уверенностью утверждать, что фонетика не являлась важной составной частью той лингвистической концепции, которая изложена в Aṣṭādhyāyī. Можно предположить, что более важным звеном в авторской теории языка была морфонология (не по числу посвященных морфонологии сутр, но по той роли, которую играет понятие морфонологии в общей грамматической теории древнеиндийских грамматистов. Примечательно, что Панини не использует при описании алфавит деванагари³, а разрабатывает собственную классификацию звуков санскрита (Шива-сутры), которая основана на роли звуковых чередований при образовании словоформ. Каждый класс (группа) содержит звуки, которые обладают одинаковыми функциями или свой-

³ Как известно, алфавит санскрита представляет собой строгую последовательность звуков: гласные (краткие и долгие), гласные дифтонгического происхождения и собственно дифтонги, сонанты, звонкие и шумные согласные, которые в свою очередь сгруппированы в ряды по месту и способу образования. Бодуэн де Куртенэ писал: «Одному только древнеиндийскому (санскритскому) алфавиту... свойственен порядок, основанный на физиологическом и акустическом родстве и на естественной последовательности ассоциируемых с графемами произносительно-слуховых элементов. Поэтому изучение санскритского алфавита может служить прекрасным введением в общую фонетику» [Бодуэн де Куртенэ, 1912: 91].

ствами при построении морфем (или словоформ — цепочек морфем), при чередовании звуков в основах, при комбинаторных изменениях звуков. Можно сказать, что фонетические изменения упоминаются в грамматике только тогда, когда они отражают морфонологические явления, т.е. обусловлены грамматической системой санскрита.

Каждую книгу и главу Панини начинает с введения наиболее важного понятия, как бы объявляя тему своих последующих рассуждений. Первые сутры в главах грамматики никогда не посвящены фонетическим явлениям, но всегда важнейшим понятиям грамматики или морфонологии. Так, первая и вторая сутры первой книги грамматики вводят важнейшие для санскритской грамматики понятия — термины *ṽṛddhi* и *guṇa* — названия ступеней чередования гласных санскрита и описывают условия этих чередований. Гласные *ā, ai au* являются гласными *ṽṛddhi* — гласными третьей ступени чередования: *āT aiC ṽṛddhi* (1.1.1); гласные *a, e, o* — есть гласные *guṇa* — гласные второй ступени чередования: *aT, eṅ guṇa* (1.1.2).

Как известно, при словообразовании и словоизменении санскрита большую роль играло чередование гласных в корне. Традиционно различались три ступени чередования:

1. Ноль *i u*
2. *a e o*
3. *ā ai au*

Причем каждая следующая ступень содержала звуки более сложные, чем предыдущая. Так, ступень *guṇa* содержит звук [a], который на ступени *ṽṛddhi* превращается в [ā], звуки [e], [o] превращаются на следующей ступени в дифтонги и т.п. Древнеиндийские грамматисты отразили природу этих изменений в самих терминах — ступень *guṇa* — «качество, свойство», то есть звук предстает в другом качестве, изменяется (лингв. «*вторая ступень огласовки*» (1.1.2–6));

Ступень *ṽṛddhi* — «рост, увеличение» указывает на приращение (усложнение звука), лингв. «*третья или сильная ступень огласовки*» (1.1.1, 1.1.3–6).

Поскольку огласовка гласного звука корня играет большую роль при образовании различных грамматических форм слов в санскрите, теория грамматических чередований была четко сформулирована в трудах древнеиндийских грамматистов. Знакомство с индийской традицией способствовало формированию понятия аблаута в трудах европейских лингвистов [Военец, 2006]. Так, теория аблаута Я. Гримма была сформулирована под влиянием индийской грамматической традиции. Ученик Бодуэна де Куртенэ Николай Крушевский в работе «К вопросу о гуне. Исследование в области старославянского вокализма» (1881) пытался показать роль чередований гласных корня при словоизменении и словообразовании на материале старославянского языка [Крушевский, 1998].

При описании морфологической санскрита Панини объединяет звуки в группы в зависимости от их роли в грамматической системе. Панини вводит термин *saṁaṅga* — «одноцветный, похожий», лингв. «однородные звуки» (1.1.9, 10).

Любопытно обратить внимание на следующий факт: Панини вводит термин *saṁprasāraṇa* — «отъезд», лингв. «чередование гласных и согласных» (6.1.31, 32) и определяет это понятие следующим образом: «iK yaṅaḥ saṁprasāraṇam», то есть чередование звуков, обозначаемых пратьяхарой iK и звуков, обозначаемых пратьяхарой yaṅ, называется *saṁprasāraṇa*. В Шива-сутрах пратьяхара iK содержит звуки i, u, ṛ, ḷ, а пратьяхара yaṅ — звуки y, v, r, l. Наблюдение индийских грамматистов о чередовании гласных и полугласных звуков в различных фонетических позициях способствовало формированию теории сонантов в европейской компаративистике.

Таким образом, анализ фонетических терминов грамматики Панини дает основание утверждать, что важной составной частью лингвистической концепции автора была морфонология.

Что касается термина слово (*pada*)⁴, то в тексте грамматики он встречается достаточно часто, сутры грамматики предлагают несколько различных определений слова. Поскольку грамматика посвящена описанию синтеза словоформ из различных морфем, не удивительно, что слово (точнее словоформа) определяется у Панини как последовательность (цепочка) определенных морфем. По Панини словом (*pada*) является то, что оканчивается на глагольные флексии (*tiṅ*) или именные флексии (*suP*): *suP- tiṅ- antam padam* (1.4.14).

Основными морфемами, которые используются при синтезе словоформ в *Aṣṭādhyāyī*, являются глагольный корень, именная основа и многочисленные аффиксы. Понятие корня — *dhātu* было краеугольным камнем не только грамматики Панини, но и большинства древнеиндийских грамматиков (*dhātu* — «слои, металл, руда, первичный элемент в индийской философии», лингв. «глагольный корень» (1.3.1)). Корень являлся основной исходной единицей при построении как глагольных, так и именных словоформ. Теория корня, сформулированная в трудах древнеиндийских грамматистов, оказала несомненное влияние на основоположника сравнительно-исторического языкознания Франца Боппа⁵.

⁴ *Pada* — «шаг, знак, место, ряд, стихотворная стопа», лингв. «слово» (1.4.14, 15; 6.1.158). Известно, что первые древнеиндийские термины были выработаны в области стихосложения *pada*: «поступь», «шаг» — часть стиха между паузами, *akṣaṅga* — «слог». Позднее они перешли в языковедческую терминологию (иногда с изменением значения).

⁵ Центром построения знаменитой «Сравнительной грамматики» Боппа явилась глава «О корнях», в которой Бопп изложил свою теорию корней как исходных элементов при синтезе словоформ. В этом «сказывается известная зависимость Боппа от индийской грамматической традиции. Однако индийские грамматисты признавали

Наряду с глагольным корнем, важным для грамматической системы санскрита является понятие именной основы — *prātipadika* — «выразительный, точный, определенный», лингв. «именная основа» (1.2.46). Например, *kṛt-taddhita-samāsah ca (prātipadika)* — «основы, оканчивающиеся на *kṛt* или *taddhita* аффиксы, а также основа сложного слова есть именная основа (*prātipadika*)».

Кроме глагольного корня и именной основы важнейшим понятием в системе грамматики Панини является понятие аффикса (*pratyaya*). *Pratyaya* — «доверие, доказательство, довод, мысль, идея», лингв. «аффикс» (1.2.45). Ведь именно разные типы аффиксов играют важную роль при синтезе словоформ. Глагольные и именные основы образуются при помощи так называемых первичных глагольных и именных суффиксов. При дальнейшем образовании словоформы к основам присоединяются флексии (вторичные глагольные и именные суффиксы)⁶.

Используя термин *pada* при обозначении результата синтеза словоформ, Панини, таким образом, понимает слово как грамматически оформленную единицу, противопоставляя его грамматически неоформленной основе (*aṅga* — «тело, член, дополнение, приложение», лингв. «вид основы слова» (1.4.13)).

Таким образом, в основе грамматики Панини лежит принцип образования словоформ при помощи правил-сутр: по определенным правилам мы можем присоединять к корню именные или глагольные аффиксы и получать соответственно именные или глагольные словоформы. Словоформа, таким образом, представляет собой строгую последовательность (цепочку) аффиксов, которая составляется по определенной схеме. Важным следствием синтеза словоформ из исходных морфем является понятие нулевой морфемы — *lopa* — «недостаток, помеха», лингв. «исчезновение, элизия» (1.1.60). Понятие нулевой морфемы и сам принцип системного подхода к языку появились в европейской лингвистике также не без влияния индийской лингвистической традиции.

В грамматике Панини на основе формальных и семантических признаков выделяются части речи. Как показывает терминология, в основе классификации знаменательных частей речи лежит семантический критерий:

только один класс корней, а именно — «глагольных», и соответственно выводили все производные значения из глагольных понятий. Бопп, восприняв от индийцев принцип разложения формы слова на ее составные компоненты, предложил свою собственную теорию корней» [Десницкая, 1984: 118].

⁶ Значительная часть технических лингвистических терминов грамматики Панини представляет собой названия различных типов аффиксальных морфем (именных и глагольных), при помощи которых обеспечивается синтез словоформ санскрита. Например, термин *kṛt* обозначает первичные именные суффиксы (присоединяемые к корню), а *taddhita* — вторичные именные суффиксы.

- sañjñā — «обозначение, название, соглашение», лингв. «существительное» (5.1.28);
- kriyā — «действие, работа, деятельность», лингв. «глагол» (1.4.59);
- sañkhyā — «цифра, число», лингв. «числительное» (1.1.23–25)⁷.

Что касается служебных частей речи, то в грамматике отмечается неизменяемая форма наречий и частиц (это отражается в самих терминах):

- ачуауа — «постоянный, вечный, неизменяемый», лингв. «неизменяемое слово (наречие, частица)» (1.1.37–41);
- pīpāta — «случайность, исключительный случай, исключение», лингв. «частица» (1.1.26);
- upasarga — «добавление, дополнение», лингв. «неизменяемое служебное слово; префикс» (1.4.59)⁸.

В грамматике Панини словообразование и словоизменение понимается как замена одного слова другим, этот процесс обозначается термином ādeṣa — «приказание, предписание», лингв. «замена одного слова другим при словоизменении или словообразовании» (1.1.52).

Например, падежное склонение существительных обозначается термином vibhakti — «отделение, изменение», лингв. «склонение, падеж, окончание» (1.2.64). В индийской грамматической традиции падежи располагаются в определенном порядке и обозначаются порядковым номером:

1. prathamā — «первый», лингв. «первый падеж, Nominativus (2.3.46);
2. dvītiyā — «второй», лингв. «второй падеж, Accusativus (2.1.29);
3. tṛtīyā — «третий», лингв. «третий падеж, Instrumentalis» (2.1.30);
4. caturthī — «четвертый», лингв. «четвертый падеж, Dativus (2.1.36);
5. pañcamyā — «пятый», лингв. «пятый падеж, Ablativus (2.1.12, 13);
6. ṣaṣṭhyā — «шестой», лингв. «шестой падеж, Genetivus (2.1.18);
7. sapṭamyā — «седьмой», лингв. «седьмой падеж, Locativus (1.1.19)⁹

⁷ К этому списку можно добавить прилагательное: viśeṣana — «различие», лингв. «определение, то есть слово, обозначающее признак» (1.2.52).

⁸ В определении префикса подчеркивается его характерная черта — быть присоединенным к основной части слова: «добавление, дополнение».

⁹ Специальным термином в грамматике Панини обозначается звательный падеж и его окончания: sambuddhi — «призыв к кому-либо», лингв. «вокатив, звательный падеж» (1.1.16).

Последовательность падежей, принятая в индийских грамматиках, не является произвольной¹⁰.

На грамматическую категорию рода (*liṅga* — «*отметка, знак, символ*», лингв. «*род*» (2.3.46)) накладывается дифференциация живых существ по биологическому полу, что также отражается в соответствующих терминах:

puṁś — «*человек, мужчина*», лингв. «*мужской род*» (1.2.66, 67);
stṛī — «*женщина*», лингв. «*женский род*» (1.2.66).

Грамматическая категория лица обозначается термином *puruṣa* — «*человек, мужчина*», лингв. «*лицо*». Личные окончания глагола в индийской грамматической традиции располагаются в следующем порядке:

1) *prathama* — «*первый, главный, высший*», лингв. «*третье лицо, окончания третьего лица*» (1.4.101);

2) *madhyama* — «*средний, находящийся в середине, внутри*», лингв. «*второе лицо*» (1.4.101);

3) *uttama* — «*высочайший, лучший, первейший*», лингв. «*первое лицо*» (1.4.107).

Грамматическая категория глагольного времени обозначается термином *kāla* — «*время, срок, период*», лингв. «*грамматическая категория времени*» (1.2.57);

vartamāna (*vartamāna-kāla*) — «*текущий, настоящий, современный*», лингв. «*настоящее время*» (3.2.123);

bhūta (*bhūta-kāla*) — «*минувший, прошедший*», лингв. «*прошедшее время, аорист*» (3.2.110);

anadyatana (*anadyatana-bhūta*) — «*несегодняшний*», лингв. «*имперфект*» (3.2.111);

parokṣa (*parokṣa-bhūta*) — «*действие, законченное в прошлом*», лингв. «*перфект*» (3.2.115);

uttara (*uttara-kāla*) — «*следующее, будущее*», лингв. «*будущее время*».

Анализируя сутры грамматики, посвященные синтаксису, мы обнаруживаем, что в тексте *Aṣṭādhyāyī* отсутствуют не только описания различных типов предложений и особенностей расположения

¹⁰ Составляя описания различных европейских языков, датский лингвист Расмус Раск в 1817 г. предлагал располагать падежи в такой же последовательности, какая была принята в древнеиндийских грамматиках: «В моем описании языкового строя кого-то, может быть, оттолкнет измененный порядок расположения падежей и родов. Но такой порядок соответствует природе и необходим для греческого и латинского, исламского и немецкого, русского и польского, словом, для всех европейских языков... которые имеют склонение. Все же я опасался так сильно отклониться от формы изложения, принятой во всех остальных грамматиках, пока не увидел, что этот естественный и правильный порядок с незапамятных времен был принят индийскими браминами в своих работах по санскриту и другим индийским языкам, так же как и многими европейцами, которые следуют их примеру в грамматиках индийских языков» [Кузнецов, 2007: 155].

элементов в составе сложных синтаксических конструкций, но и вообще нет определения понятия «предложение». Панини всего два раза использует в тексте грамматики термин *vāku* — «слово, заявление, доказательство», лингв. «предложение» (8.1.8), однако этот термин здесь имеет значение «высказывание, речь». Можно с уверенностью сказать, что понятие предложения не является основой синтаксической теории автора. Более того, Панини оставляет этот термин без определения как малозначительный, а его определение мы находим только в трудах комментаторов грамматики, когда понятие «предложение» начинает играть важную роль при построении новой синтаксической и общеграмматической концепции.

Не найдя в грамматической системе *Aṣṭādhyāyī* привычного термина «предложение» как основы синтаксического описания и не обнаружив традиционного перечня типов предложений, европейские грамматисты часто отрицали наличие синтаксической теории в грамматике Панини. Однако при изучении *Aṣṭādhyāyī* становится ясно, что синтаксис Панини построен совсем на другом понятии, которое вводится во второй книге грамматики и обозначается термином «*samartha*» («*sam+artha*»)¹¹. Термин имеет значение «синтаксическая и семантическая связь элементов». Панини использует этот термин достаточно широко: как для обозначения связи различных слов в составе словосочетаний, так и для связи частей слов в составе сложного слова. Изучение этого термина позволяет предположить, что синтаксические отношения в *Aṣṭādhyāyī* рассматриваются вместе с семантическими отношениями, то есть семантика и синтаксис в учении Панини тесно связаны.

Отношения «*samartha*» настолько обширны, что включают в себя различные типы семантико-синтаксических отношений, рассматриваемых автором *Aṣṭādhyāyī*: теория, описывающая отношения имен существительных (*kāraḥ*¹²), отношения глаголов (*dhātu-sabandha*), стоящую особняком конструкцию именительного падежа существительного со спрягаемым глаголом и отношения частей в составе сложного слова — *samāsa* (*samāsa* — «соединение, сочетание», лингв. «сложное слово» (1.2.43)).

Наиболее разработанной и подробно описанной частью синтаксиса в грамматике Панини является учение о синтаксических функциях существительных — *kāraḥ*. Теория о *kāraḥ* выделяет различные типы отношений между словами (актанты при глаголе):

- *kartā* — «деятель»; отношения, которые обозначают субъекта действия (1.4.54);

¹¹ *artha* — «смысл, способ», лингв. «смысл, значение, наклонение» (1.2.45).

¹² *kāraḥ* — «творец, создатель», лингв. «типы отношений имени и глагола в предложении» (1.4.23).

- karma — «дело, цель»; отношения, которые выражают прямой объект (1.4.49);
- karaṇa — «орудие»; отношения, которые выражают способ совершения действия, инструмент (1.4.42);
- saṃpradāna — «давание»; отношения, которые выражают цель действия (1.4.32);
- āpādana — «отнимание»; отношения, выражающие удаление, движение от фиксированной точки (1.4.24);
- adhikaraṇa — «местонахождение»; отношения между словами, указывающие на место совершения действия (1.4.45);
- hetu — «действующий, причина, побуждение, основание, довод»; особый тип отношений, обозначающий субъекта, побуждающего к действию (каузальные отношения) (1.4.55).

Важность теории о караках заключается в том, что она свидетельствует о принципиальном противопоставлении отношений, существующих в глубинных (семантических) структурах и различных способах формального (поверхностного) выражения этих отношений. «Панини — единственный до середины 20 века лингвист, более или менее последовательно сопоставивших падежные формы (vibhakti) и функциональные классы — kāraṅkas» [Катенина, Рудой, 1980: 78].

Итак, термин, обозначающий грамматику (*vyākaraṇa* — расчленение, анализ), отражает метод работы с языковым материалом и способствует формированию лингвистической терминологии в целом. Этот термин мы предлагаем считать основным (родовым), определяющим всю терминологическую систему Панини в целом. Частными (видовыми) терминами будут, соответственно, считаться обозначения различных типов морфем, используемых при синтезе используемых при синтезе словоформ.

Таким образом, исходя из того, что морфология обеспечивает построение словоформы языка, а основой морфологии является способность словоформы члениться на меньшие значимые единицы языка — морфемы, можно утверждать, что грамматика Панини посвящена именно описанию морфологии санскрита, а основным лингвистическим понятием является **морфема**. Интересно, что в грамматике Панини нет общего термина «морфема», а есть термин «корень», «аффикс» и многочисленные термины, обозначающие различные типы аффиксов¹³.

Конечно, грамматика Панини описывает не только правила синтеза глагольных и именных словоформ из различного типа мор-

¹³ Европейская лингвистика, заимствовав у древних индусов понятие «морфемы», также первоначально оперировала отдельными терминами, обозначающими различные типы морфем. В конце XIX в. Бодуэну де Куртену пришлось доказывать необходимость введения в лингвистический обиход обобщающего термина «морфема».

фем, но и правила составления более крупных единиц, неслучайно Панини использует термины *kāṅaka*, *yoga* «связь, упряжка», лингв. «согласование, управление» (1.1.49), *upasarjana* — «подливание, второстепенное лицо», лингв. «зависимое слово» (1.2.43) и др., но это уже тема, требующая отдельного рассмотрения.

Список литературы

- Бодуэн де Куртэнз И.А.* Об отношении русского письма к русскому языку. СПб., 1912.
- Военец К.В.* Древнеиндийская традиция (грамматика Панини) и современное индоевропейское языкознание: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2006.
- Десницкая А.В.* Франц Бопп — основоположник сравнительно-исторического изучения языковых структур // Понимание историзма и развития в языкознании первой половины XIX века. Л., 1984.
- Катешина Т.Е., Рудой В.И.* Лингвистические знания в древней Индии // История лингвистических учений. Древний мир. Л., 1980.
- Кочергина В.А.* Санскритско-русский словарь. М., 1987.
- Крушевский Н.В.* К вопросу о гуне. Исследования в области старославянского вокализма // Крушевский Н.В. Избранные работы по языкознанию. М., 1998.
- Кузнецов С.Н.* Расмус Раск: неосвоенное наследие // Лингвистическая компаративистика в культурном и историческом аспектах: Материалы V Международной научной конференции по сравнительно-историческому языкознанию. М., 2007.
- Ортега-и-Гассет Х.* Две великие метафоры // Теория метафоры / Под ред. Н.Д. Арутюновой. М., 1990.
- Vasu S.Ch.* The Aṣṭādhyāyī of Pāṇini. Delhi-Varanasa-Patna, 1891.

Сведения об авторе: *Волошина Оксана Анатольевна*, канд. филол. наук, старший преподаватель кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: oxanav2005@mail.ru